

Полина БОРИСОВА

**Публичное бесстыдство,
или
Полнейшее безрассудство**

Полина Борисова

**Публичное бесстыдство,
или Полнейшее
безрассудство. Две части**

«Издательские решения»

Борисова П.

Публичное бесстыдство, или Полнейшее безрассудство. Две части
/ П. Борисова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903992-7

Здесь автор выступает в не совсем обычном для себя жанре эротической новеллы. Откровенное и чувственное вырывается на страницы, заставляя нас сопереживать героине повествования. Романтическая проза в сочетании с изысканностью поэзии определяют невозможную ранее смелость и свободу самовыражения для автора. Безрассудство героини в поиске своего пути и места, её желание счастья дают повод каждому читателю задуматься о противоречии и о сложившемся предубеждении об обнаженности тела и чувств.

ISBN 978-5-44-903992-7

© Борисова П.
© Издательские решения

Содержание

1 ПриБирая	8
2 ПриБлижение	10
3 ПриБытие	13
4 ПроБуждение	16
5 ПреоБражение	19
6 ПриБавление	22
7 ПроБость	27
8 ПрозиБание	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Публичное бесстыдство, или Полнейшее безрассудство Две части

Полина Борисова

© Полина Борисова, 2018

ISBN 978-5-4490-3992-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Безумный тяжкий труд
Усталость, трудности, лишения
Но радость с пользой все же ждут
Когда смогла пройти мучение
Так проявила я себя
В любви к себе
Себя любя*

*посвящается моим родителям
и родителям моих родителей...
...и 1 037 741 824 совсем незнакомых мне людей, и 2 147 483 648 их родителей,
что 30 поколений назад, т.е. всего 10—12 веков назад, теоретически могли
быть моими прародителями
(ну в теории конечно)*

Пробую быть. И я пишу стихи. Они мне нравятся краткостью и слаженностью ритма. Мне еще много чего такого нравится, картины, фильмы, разная погода и совершенно разные места. Я сама себе очень нравлюсь. И мне нравится одиночество, оно нисколько меня не тревожит. Самой себе я ничего не должна доказывать или оправдывать себя каким-то образом.

Когда я одна, дома или на отдыхе, мне хочется все с себя совсем снять, всю одежду и белье.

Я так обычно и делаю – сбрасываю платье с заботами, колготки с плохим настроением, бюстгальтер со сложностями на работе, трусики с усталостью. Так вместе с одеждой я расстаюсь с всеми проблемами надуманными или реальными, я даю себе отдых от всего.

Я голая. Я такая, как есть. Теперь я могу честно соприкоснуться с этим миром. И этому миру решать принимать меня такой, какая я есть или послать меня просто куда подальше.

Хотя уже много чего такого знаю обо этой жизни, я её люблю. Это моя жизнь. Я в ней самостоятельна и самодостаточна для себя. Да, я люблю себя и принимаю себя вот такой, как я есть на самом деле. Нет конечно, мне многого хочется, и похудеть, и новая прическа, наверно, ждет меня, и вообще, еще столько всего интересного и не известного для меня. При этом, я еще стараюсь следить за собой, крашу волосы, брею подмышки, ноги и лобок, крашу ногти. Думаю сделать татуировку на лодыжке. Но это все наверно другое, моя оболочка, в которой я обитаю.

Когда я добираюсь до своей квартирке, уютной и обустроенной. Стаскиваю с себя все, и люблюсь в зеркале прекрасным своим отражением, то есть, я люблюсь собой, своей оболочкой, но ищу за ней всегда себя.

Я влюбилась в себя, но не сразу

Так не верилось в счастье любви.
Но твердила одну только фразу:
Лишь себя я хочу обрести.

Моя история, может будет кому интересной. Я готова её рассказать. Но не сразу, мне нужно подготовиться. Хочется вспомнить все до неожиданных подробностей, для меня это важно, как впрочем совершенно, наверно, не важно для Вас. Вы все равно все мои подробности замените на свои. Но для меня важно, с подробностей порой просто начинаются все наши воспоминания.

А вот мои чувства тогда, нет, это не возможно. Да и зачем они Вам, я рассказываю просто события в простом описании, вспоминаю слова, что были сказаны. А какие за ними чувства Вы и сами сможете догадаться.

В моей маленькой квартирке всего пара комнат, кухня соединена вместе с гостиной. Мне так удобней. Маленькая комната, немногие из тех, что заходят ко мне, думают что, там моя спальня, там конечно можно спать, но я там не сплю. Там шкаф с вещами, в который я убираю все свое барахло. Стол с компьютером. Тренажер. А сплю я на большой тахте, в большой комнате.

Я сейчас дома, на мне ничего нет. Я у плиты готовлю себе ужин. Легкий ужин. За окнами лето, вечер. Я делаю омлет с луком и колбаской. Взбиваемое мной яйцо, случайно капельками летит на мой голый живот. Я размазываю эти капли по телу.

Моя квартира в доме на верхнем этаже
Я окна не зашторю, пусть свет летит ко мне
Не буду я скрываться, останусь я нагой
Зачем мне прикрываться, я быть хочу собой

На маленький балкончик я выйду, так дышать
В чай брошенный лимончик меня спасет опять
От холода, от зноя, всем нужен витамин
Желанием свободы поступок объясним

Мне почему-то голой приятно прибывать
Самой мне не понятно, я пробую узнать
Загадка без ответа уже который год
Когда я не одета – мне попросту идет

Открыта и спокойна тогда моя душа
Я выгляжу достойно, и просто хороша
И к черту разбираться, копать в ерунде
Мне легче так остаться, чем думать о себе

Я ем омлет и пью свой чай. Я сижу на высоком табурете за кухонным столом, тоже высоким, что бы можно было и стоя готовить и перекусить. Мне удобно. Крошки от хлеба крошатся на мою грудь. Все равно придётся сегодня убираться в квартире. Я мусорю сама, и сама убираюсь. Я сама включаю пылесос и таскаюсь с ним от стены до двери, от окна по ковру к полкам с книгами. А он всасывает всякий мусор, что я оставляю после себя, и пыль. При этом он выдувает из себя вверх теплую струю воздуха. Я то и дело вхожу в нее, раздвигая пошире ноги, и поток тепла согревает меня, сначала мою промежность, потом живот и попу, дальше спину

и грудь. Я купаюсь в этом движении теплой воздушной массы, до момента, пока не осознаю, что как-то нужно двигаться дальше к следующему участку квартиры.

Я прячу пылесос в шкаф. Мою посуду. Я чувствую, как брызги из под крана попадают на меня. Теплые, они в полете остывают и немного ежусь от их прикосновений. Потом они собираются в тяжелые капли и сбегают вниз по мне.

Все, то количество посуды, которой я пользуюсь, я не успеваю накопить для посудомоечной машине, и она почти бездействует. Но иногда ко мне приходят друзья или мои подруги, и лишь тогда, она принимается за долгожданную работу.

Я решила – я помою сегодня еще полы. Конечно, это не генеральная уборка, но влажная тряпка им не помешает.

1 ПриБирая

Порой бывает. Бывает такое странное чувство. Будто все, произошедшее с тобой, ещё не происходило и только возможно, что оно когда-нибудь может произойти в будущем. Кажется, ещё порой, ты живёшь в обратном порядке времени. Грядущие события явственно проступают из памяти, будто бы они уже давно случились и их приход неизбежен, и при этом уже ничего из их исхода поправить нельзя.

Но это всего лишь странное чувство, похожее на чувство отчаянья или предопределенности. Где-то между тем возникает мимолетное восприятие реальности. И тогда уже возникает ещё одно странное ощущение, полной головоломки в собственных мыслях и чувствах. В этот момент даже пришедшая реальность совсем растворяется в нагромождении толи воспоминаний, толи предположений. Шкала времени теряет деления и обозначения, даты и события прихватают в произвольное независимое движение.

Возникает странный причудливый образ, в котором находишься ты сама и вся твоя вселенная.

Обычно причудливость рано или поздно заканчивается, и тогда образ моего мира, моей жизни обретает отчетливые черты, в очертании Озера.

Иногда, это Озеро кажется морем, но морем у которого виден противоположный берег. Возможно, те дальние берега – это просто берега далеких или близких островов. Можно лишь догадываться, поскольку наверняка полную картину моего мира, самой выстроить уже никогда не удастся. И возможно даже бесконечный океан с бесчисленным количеством островов так и останется всего лишь одним из предположений о истинном масштабе этой моей вселенной. Я еще боюсь океана, поэтому пусть моя вселенная будет ограничена пока всего лишь одним Озером. Тем Озером, к которому я всегда стремлюсь.

Я фиксирую себя в этих границах этой приемлемой области, вижу со стороны, описываю свои действия, как писатель описывает действия своего персонажа. Слышу и запоминаю диалоги, сокрушаюсь в чувствах, хотя кому может быть точно известно про мои чувства – они лишь мои. Описывать чувства – это схоже с описанием химических процессов происходящих с организмом нереального человека, того самого персонажа литературного произведения.

Условность порой ускользает от читателя. Чем талантливей автор, тем кажется реальной персонаж. Но умный читатель всегда поймет разницу реального человека с человеком, заключённого в описании, посредством всего лишь напечатанных слов. Не стоит этим пренебрегать, читая о чем угодно и в чем угодно. Когда-нибудь придумают что-то иное, когда выбрав для прочтения то или другое произведение, нужно будет определить ещё и себя, как персонажа этого искусственного творения. Возможно технологии перевоплощения уйдут настолько далеко, что можно погрузившись в восприятие, как ранее в чтение, почувствовать полную реальность происходящего с тобой, по тем законам, что уже были заложены автором.

Три мушкетера, а ты д'Артаньян или Миледи на выбор.

В тебе заложены характер и мотивы, есть еще закреплённые воспоминания, и еще несколько побочных для общей истории, собственный жизненный опыт спрятан до конца книги, есть небольшое поле для манёвра, но движении неумолимо по событиям и обстоятельствам. Самое поразительное, читая это Вы, мой читатель, приходите к мысли о возможности именно сейчас прибывать и участвовать в подобной игре чужого и своего сознания.

Возможно, Вы на самом деле командир звездолета, спящего во время перелёта от одной звезды до другой, и чтобы развлечься, Вы запустили почитать себе, воспринять себя во «Властелине колец», и вот вы Фродо, и топаете по бесконечному Средиземью. А возможно, Вы клерк по распределению термоядерного горючего на заправке в районе колец Сатурна и у вас пересменка и вы завалились почитать слезливую историю про унесённых ветром. Вы выключо-

чилились от всех инструкций по безопасности по причаливанию тяжёлых космических крейсеров, от тупого шефа требующего вечной лояльности, от склок со старшими помощниками по поводу недоучета антифрикционных компонентов, от забора и списания отработанных элементов.

Или вы все ещё на земле, забили на бизнес и улеглись в собственной капсуле на триста сорок восьмом этаже, погрузились в переживание 19 века от графа Толстого. Ведь все что вам нужно, это принять таблетку и подключить себя к мировой нейросети. И вот вы обрели новую личность, оставив себя настоящего полежать на полке. Вы здесь, Вы без своего опыта космоплавания или расчёта прогнозируемой выработки горнообогатительного комбината, что трудится сейчас на дне Тихого океана. Вы не знаете ничего об истории и политике Земли после того мига, в котором вы сейчас. Вы воспринимаете переживаемое вами произведением.

Но это классика, сколько её можно зачитывать до дыр. Хочется всегда полноценной жизни и чего-то совсем эксклюзивного. Ну, и пожалуйста, и вот Вам, специально для Вас, глобальная нейросеть сгенерировала целую чужую жизнь на рубеже веков, облекла её самую модную в этом сезоне, самую провокационную, самую откровенную обложку.

В таблетке спрятана игра
И выбор только в цвете
И вот вам новая судьба
Вы за неё
Теперь в ответе.

И пыль на полках
Пыль от звезд
Что небе явственно блистают
А в толстых книгах
Лишь простор
Для чувств, которые питают
Фантазии твои
Мои
Поступки
Промыслы любви

2 ПриБлижение

Прошлое быстротечно. Оно ускользает сразу, исчезает, размывается. Только что, я этот камешек держала в руке. И вот он упал и лежит с миллионом других таких же камушков. Волна прибоя мешает их между собой. Хочется выхватить взглядом один, что попадает на глаза, пытаешься вспомнить признаки и определения того отрезка своей жизни, чем он был тогда для меня. Что-то приходит, может быть последовательность событий и мест, но основное завешено почти непроницаемым экраном, с проекцией из сегодняшнего дня, из мига в котором сейчас находишься.

Камушки на берегу Озера.

Бросьте. Кому это интересно? Все уже давно сказано, напридуманно, напечатано и прочитано. Переписано, издано, на все на это уже есть рецензии и критика, как восторженная, так и злобно беспощадная. Ко всему привыкшему читателю невозможно достучатся, как до бога, если он где-то там и ещё следит за нами. Но похоже и он давно уже начитался всякой нашей галиматьи, что пишут и пишут всякие авторы.

Кто мной ведёт
Кто сил даёт
Откуда глупое желанье
Все рассказать
Все без прикрас
Разметить разочарование
По глупым стопочкам стихов
Словами отразить мгновения
Давно уж пройденных оков
Признаний и чистосердечия

Озеро пугающе прекрасное. Вместилище огромной влаги и спокойствия. Нега. Мы ехали к нему на пригородной электричке. Андрей всю нашу дорогу обнимал меня и нежно целовал. Я ему говорила, что не стоит этого делать. Я была похоже немного холодна, хотя мне было приятно все его приставания, этот его скучающий взгляд и его неудержимое стремление ко мне. Но это конечно, взгляд из сегодня, из сейчас. Мне нравится это вспоминать, вспоминать сейчас в первую очередь.

- Нам ещё долго?
- Не очень. Совсем капелька осталась.
- Сколько, две или три остановки?
- Нет, одна станция, можно и на ней выйти, так даже на пять минут короче.
- Ну!
- Но там, на следующей, дорога интересней и приятней.
- И чем?
- Там немного леса, потом немного озера, потом опять немного леса, поле и все.
- Что все?
- Ну, все пришли. Мы на даче.

Электричка остановилась. На платформу потянулся народ. Мы сидели и смотрели, как пустеет вагон.

- Может пойдём?
- Нет, мы поедем дальше. Мы же решили.
- Это ты решил.

Я тогда наверно ухмыльнулась, может и нет. Мы поехали дальше. Он погладил мои руки и поцеловал. Я улыбнулась. Вагон был уже почти пустой.

Мы вышли на следующей платформе. И пошли почти обратно, в том направлении откуда пришла электричка. Мы шли одни по тропинке через лес. Она была утоптана, но иногда попадались лужи, не просохшие от последних дождей со следами от обуви людей, проходивших здесь, также, как и мы. Мы их тоже старались обойти, тогда мы задевали ветки, и порой крапива обжигала мои голые лодыжки.

– Где же озеро? Ты говорил про озеро.

– Ещё немного, там чуть дальше.

– Я уже устала.

Он на ходу полез в свой рюкзак и вытащил тот свой фотоаппарат, которым он хвастался на кануне нашей поездки.

– Я хочу тебя снимать.

– Может сначала дойдём?

– На фоне озера ты будешь чудесно выглядеть.

– А так так, я что не чудесна?

– Ты восхитительна у меня всегда.

Я улыбнулась ему в ответ. Слова его были всегда просты и наивны. Он щелкнул мою улыбку.

Я потом рассматривала то, первое фото, мне показалось, что оно было совсем не удачным. Теперь, тоже самое фото кажется мне восхитительным.

Что нас разделяет, те мои фотографии со мной и меня – эту, которая смотрит на них сейчас, которая посмотрит на них потом, через год или десять лет? Время? А что это неизбежность или просто расстояние между точками в какой-то пространственной пустоте. Могу ли я туда ещё вернуться или для этого нужно вернуть Землю, Солнце, и всю нашу галактику и всю вселенную? Время какой-то гадкий необратимый процесс, или безумные бесконечные расстояния. Расстояния во вселенской пустоте.

Тогда мне открылось Озеро.

Оно было не очень большим, но и не маленьким. Другой противоположный берег был прекрасно виден, но если бы там кто там находился, его лица нельзя было бы различить. Далеко. Справа и слева Озеро скрывали деревья. Мне было интересно.

– Может это река?

– Нет, просто оно вытянуто в длину.

– Зачем?

– Ну, я его не вытягивал, не знаю.

– В нем купаются?

– Конечно, там дальше есть небольшой пляж. Мы туда ходим иногда с дачи.

– Мы сейчас зайдем туда?

– Туда все равно через дачный посёлок. Зайдем вещи бросим. И пойдём.

Мы шли дальше. Андрей держал меня за руку, но иногда забегал вперёд и направлял на меня фотокамеру делал снимок.

– Там есть одно дерево и поляна. Так красиво и вода в озере должно быть цвета неба.

– Где?

– Вот здесь повернем, тут тропика.

Он опять отпустил мою руку и бросился вперёд, оборачиваясь и делая на ходу снимки со мной и без меня. Я шла за ним и улыбалась. Скажи мне тогда, чего он хотел, возможно это дало бы мне шанс всю обдумать, но он побежал вперёд.

– Иди сюда.

Дерево было высоким. Его извилистый ствол и ветви были действительно чудесным фоном для любой картины. И кроме этого небольшой пригорок, на котором оно стояло давал возможность увидеть озеро и тот дальний лес на другом берегу.

Я смотрела по сторонам. Андрей смотрел на меня.

– Ты можешь снять платье?

– Могу, а за чем?

– Я тебя хочу поснимать такой.

– Только платье?

– Если можешь, то все остальное тоже.

Какое странное желание существует у мужчин, какая я разница если любишь, зачем это? Возможно, пройдя долгий путь, которое назовём временем, я это теперь знаю – это, возможно просто, страх потерять свою влюбленность. Или боязнь забыть, то возбуждение от счастья, что мужчине даёт его любимая женщина.

– Нет, не хочу.

– Чего ты боишься?

– Ничего.

Я врала, я конечно боялась всего, что кто-то увидит нас здесь, что потом кто-то увидит эти фотографии. Пусть случайно, по его неосторожности, но увидит. И еще я боялась его возбуждения, от всего этого процесса.

– Я не модель.

– Самая лучшая для меня.

– Но не для себя, я сплошной ходячий комплекс.

– Улыбнись, комплекс!

Я улыбнулась он сделал ещё пару фоток и мы вернулись на тропинку, ведущие к его даче. Озеро осталось позади.

А через полгода его не стало, но эти его фотографии со мной на Озере остались.

3 ПриБытие

Призираю боль. Ненавижу утраты. Прошло полгода, когда его не стало. Андрей погиб случайно, на своей работе, на кафедре, где он подрабатывал вечерами учебным мастером. Высоковольтный кабель оказался под напряжением, когда он до него дотронулся. Говорили о мгновенной смерти, но я не верю в мгновенную смерть. Смерть всегда долгий и мучительный процесс, даже от молнии или испепеляющего взрыва, но это моё личное мнение.

Мне было его очень жаль, но жальче всего было, конечно, себя. За месяц до его смерти мы расстались, разошлись, и как оказалось навсегда. Что ему и мне тогда казалось, не знаю. Что хотелось, то и казалось. Возможно мы оба надеялись на применение, а, возможно, он уже предполагал свой вынужденный трагических уход. Рано или поздно каждый будет отправлен по этому пути в бесконечность. Но принятие и восприятие всего этого у каждого своё.

Я тогда кое-как смогла прийти на похороны. Потом быстро убежала рыдая, наматывая сопли на кулаки. За пару недель, я совсем успокоилась. А через месяц старалась не вспоминать обо всем об этом.

Прошло еще полгода. Случайно я встретила её. Она была его двоюродной сестрой. Её звали Оля. С ней мы познакомились тогда, на его даче. Теперь мы встретились случайно в магазине. Для меня эта случайность, так и осталась загадкой. Может все это было совсем не случайно. Она потащила меня в кафе. Она была в положении. Её животик явственно выпирал из под кофты. Она очень искренне обрадовалась мне.

– Ты нашлась – это хорошо. Что ты делаешь?

– Ничего.

– Работаете?

– Пока нет.

– Прекрасно.

– Почему?

– Потому, что я собираюсь немного пожить на даче, а меня одну не отпускают.

– Боятся?

– Да боятся. Мама не может, свекровь тоже. Тетя Зина не хочет.

Тетя Зина была мамой Андрея. Я так к ней и не зашла после похорон. Зачем? Все давно уже прошло. И ей, и мне требовалось немного прийти в себя. Хотя, как ей можно было прийти в себя после такого.

– Как она?

– Ничего, потихоньку.

– Ну, хорошо.

– Она тебе хотела передать кое-что.

– Спасибо, не надо.

– Она нашла конверт для тебя от Андрея.

– Что? Хорошо. Как-нибудь попробую зайти.

– Честно она просила меня, тебя найти. А я не смогла и все откладывала в долгий ящик.

Тут, как я тебя увидела – просто судьба.

– Судьба.

– Так, отказывать девушке, в моем положении, совершенно невозможно. Поэтому сейчас берём такси и едем сразу за твоими вещами. Я тебя теперь не отпущу. Нас Олег может забрать после работы и отвезти на машине на дачу.

Та решительность Оли, тогда меня конечно подкупила. И я сама неожиданно поплыла по неведомому мне течению реки в надежде доплыть до своего Озера.

Дача, на которой мы тогда были, принадлежала сёстрам: матери Андрея и матери Ольги. От их родителей она досталась им равными долями. По идеи, следующим поколением хозяев должны были быть их дети, но Теперь наверно следующим владельцем будет единолично Ольга. Андрей был единственным сыном у тётки Зины, как и Ольга у своей мамы.

Я попыталась барахтаться, но омут затягивал меня.

– Ну, я не знаю.

– Все, решено. Знаю – не знаю. Просто едем и все.

Мы поехали за вещами. Вечером у меня, когда сидели за чаем, за нами приехал Олег, её муж. Почему-то он мне показался другим, нежели в тот день, когда мы были с Андреем на даче. Наверно, Олег просто повзрослел в ожидании пополнения семейства, а может, мне просто показалось тогда, что он немного походил на другого человека. А может быть, я все придумываю.

Мы ехали часа два. Дорога шла то быстро, то медленно. Мне не хотелось говорить, но молчать было совсем глупо.

– А где твои вещи?

– Они все там, я на денёк приезжала. Была у врача и так пробежаться по тряпкам.

– Это ничего, что я так?

– Ты о чем? Ты меня спасаешь. Свекровь хочет свалить к родственникам перед моими родами. Я её понимаю, со мной скоро хлопот будет скоро полон рот. А Олег на работе, а мне сидеть в городе – полный дурдом.

– А твои подруги?

– У подруг свои дела, а ты нам, вообще, ну почти, как родная. Извини.

– Глупости.

– Нет, не глупости. Вот держи.

Она достала конверт из сумки и сунула его мне в руку. Я различила на нем почерк Андрея.

– Я потом.

– Я тебя понимаю.

Я убрала конверт в задний карман джинс.

Мы заехали во двор дачи. Нас встретила её свекровь Эдита Леонидовна, она конечно пустила слезу, но смахнув небрежно, расцеловала и повела всех за стол. Ужин продолжался до сумерек. Больше всего она переживала за Ольгу.

– Ты за ней присматривай, не давай переезжать. И напоминай, что есть нужно.

– Хорошо.

Мне правда было очень хорошо, сидеть с ними там, на веранде, пить чай с сушками и не чем не думать.

Эдита Леонидовна поучала нас, давая рекомендации, что и как делать, кому звонить, в случае чего. Пыталось немного попенять на мать Ольги за её нерешительность поучаствовать в приходе здорового будущего поколения. Олег довольно тактично прикрыл эту тему, отправив её высыпаться на завтрашнюю дальнюю дорожку. Мне дали другую комнату, в той комнате, в которой мы останавливались с Андреем, жила Эдита Леонидовна. Оле было неловко.

– Хочешь переедешь, как она свалит.

– Может мне нужно будет спастись с тобой в комнате? Присматривать?

– Не знаю, наверно нет, а там посмотрим. Может и будет страшно. Так что?

– Ты о чем?

– О комнате.

– Мне все равно.

Я пошла спать. К тому же время было позднее и мне захотелось побыть одной.

Мне направится быть одной, зачем я согласилась на эту авантюру? Глупо пытаться вернуть себя в прошлое. Но в прошлое я не хотела, я просто хотела сюда, на Озеро.

Озеро
Плоскость для неба
Зеркало для облаков
Для отражения света
В границе его берегов

Озеро
Для погружения
В святая святых веков
Возможно прикосновение
К источнику сладких снов

Озеро
Ход печали
Отправит на долгий срок
В не обозримые дали
В неразличимый итог

Озеро
Для изменения
Порядка былых времен
До полного опьянения
При перемене имен

Озеро
Капля вселенной
Линза моей души
Стану ли я переменной
В формуле вечной любви

4 Пробуждение

Проснулась бодрой. Ну, почти бодрой, ну, пусть поздно по дачным меркам, но проснулась.

Я уже просыпалось сегодня утром от их суматохи, когда Олег увозил свою маму в аэропорт. Эдита Леонидовна вчера долго рассказывала, что она непременно должна была лететь к своим родственникам к морю. Это было её ежегодное обязательное турне. В следующий раз она обещала непременно взять с собой всех, а Ольгу с будущим ребёнком она отправит туда точно, и на все лето. Это все достаточно громко, в который раз, теперь уже на прощанье, она повторяла и проговаривала, стараясь, как можно глубже скрыть, наверно, свою радость от заботы поводу невестки.

Все проводы я хотела пропустить, потому что было ещё очень рано и потому, что уже успела вчера от неё устать. Семейная идиллия расставания длилась наверно час. Все таки, мне пришлось встать и попрощаться. Без меня, наверно, это бы не завершилось. Они уехали, и наконец все затихло, и я снова отправилась в кровать, где провалилась в новый сон. Так я проспала, вот почти до десяти.

Окошко в моей комнате выходило во дворик дачи. Я выглянула вниз. Внизу уже ходила Ольга, развешивая постиранные вещи на натянутой верёвке. Мне хотелось увидеть сейчас Озеро, но оно было в другой стороне. Ну, и разглядеть его даже из других окон мансарды было нельзя, все скрывали высокие деревья. Они также почти скрывали все ближайшие дачи, лишь немногие были видны своими крышами. Не были видны и их дворы, как наверно и наш двор не просматривался из их окон. Дачный поселок весь утопал в зелени, мы как и все были скрыты за нею. В этом наверно и состоит прелесть здешних мест.

Может поэтому, зная, что её никто не увидит, Оля, подойдя к душу, так небрежно и легко сбросила свой халатик. Да, конечно, кругом никого, и стеснятся некого, но мне стало немного страшно и боязно за неё. Мне показалось, что все вдруг полезут смотреть и подглядывать за голой Олей. И ещё хуже прибегут все, кому не лень, и начнут кричать и улюлюкать. И кто-нибудь, самый не воздержанный, набросится на неё.

Хорошо, что ничего такого не происходило. Этот душ был наверно предназначен, чтобы просто плескаться в жаркий день. Он не предназначался для интимных процедур. Просто труба, воткнутая чуть ли не посреди полянки и через кран соединённая со шлангом, а там сверху брызгалка.

Оля повернула этот кран и встала под струйки воды. А я смотрела, как капли и брызги разлетались, сталкиваясь между собой. Оля с её округлившимся животиком не стесняясь, плескалась. Беременность меняет женщину, делая её мягче и больше. Жизнь одного превращается в жизнь за двоих. Почему она позволяет себе, вот так плескаться у всех на виду? У кого на виду, если только я это и вижу. Вот подглядываю за ней, и она наверно не знает, что я её вижу. И от кого ей нужно прятаться, если никто ни её, кроме меня её не может увидеть? Кому это нужно за ней подглядывать? Мне?

Оля вытерлась полотенцем и одела свой халатик.

Я тоже переоделась и спустилась вниз. Мы сели на веранде завтракать.

Мы ходим на озеро?

– Как хочешь. Я обычно без Олега не хожу, но вдвоем наверно можно.

Мы пили чай бутербродами.

– Ты прочитала его письмо?

– Нет.

– Не хочешь?

– Хочу, но не сейчас, как-нибудь потом. Я уберу со стола?

– Да, потом вместе! Может просто посидим? Можем даже помолчать.

Но мы наоборот начали болтать, так просто не о чем. О погоде, о снах, о моде, о подругах. Оля принесла старые журналы из домика и мы стали смотреть картинки в них, комментируя то, что видели в них.

Мы говорили не о чем
Листали прошлого страницы
И каждый думал о своём
Не заступая за границы

Себя в себе оберегая
Других подробно разбирая
Ища проходы между слов
В метафорах недавних снов

Но не дано предугадать
Как память в нас несёт все вспять
Чего хотели бы не знать
Что не должно было всплывать
Все вспоминается опять
И в рассуждениях своих
Мы замираем при чужих
Но оживляемся всегда
Когда печалимся зазря.

Я, Андрей и они, только что поженившиеся Оля и Олег, сидели тогда на той же веранде и тоже пили чай. Также болтали о всякой ерунде. Нам было хорошо. Когда Андрей или Олег рассказывали забавный случай или анекдот, мы все смеялись. Мы тогда строили планы, мир казался простым и дружелюбным к нам. Мы ходили купаться. Погода была тёплая и на берегу было много народу. Мы плавали и загорали, наслаждаясь тихой безмятежной дачной жизнью.

Андрей целовал меня, а я наверно тоже целовала его. Ночью узкая кровать прижимала нас друг к другу. За окном щебетали птички и где-то в доме пиликал сверчок, которому не спалось. Мне было хорошо даже просто лежать, обнявшись с ним. Но он хотел разбудить во мне, большую страсть, лаская меня, стараясь непременно добиться моего оргазма каждый раз. Возможно, ему хотелось выглядеть неутомимым страстным любовником. Я тогда легко поддавалась его желанию в постели. Не сказать, что я была холодна, но для меня секс ни тогда, ни потом не был главным в наших отношениях. Важнее было то, что Андрей был у меня, и с ним можно было, вот так поехать с его друзьями к нему на дачу, и вот так болтать просто ни о чем. Мы хотели тогда обязательно пожениться.

Рассматривать картинки в журналах было не утомительно и не скучно. Как-то само собой разговор пошёл о фотографиях в этих журналах. Оля нашла в одном давнем глянцево-м журнале разворот с беременными звёздами, которые позировали совсем обнаженными. Она спросила, что я об этом думаю. Я усмехнулась, наверно вспомнив её под утренним душем, и это может её задело как-то.

– Я хочу тоже так. Ты можешь на кнопку понажимать.

– Ну, там же не просто нужно на кнопку нажимать.

– Все просто, на моем фотике, это точно просто.

– Зачем тебе это?

– Хочу. Для себя и может Олегу будет приятно, подарю в рамке на мужской праздник, вместо бритвы. Уже родить должна буду к тому моменту.

– Глупости. Ну, сфоткай себя сама телефоном.

– Телефон – это ерунда. Придумай лучше место, где это будет живописней кадр.

Она поднялась и пошла в дом. Через минуту она вышла держа в руках фотокамеру, не такую, как была у Андрея, а намного проще.

5 ПреОбражение

Признаюсь быстрее. Да, мне нравится себя снимать. Я делаю фотографии. Я снимаю себя на видео. Сейчас мне хочется снять маленькую сценку, как я мою полы в квартире. Предельно откровенную и как всегда безумную. Я снимаю лишь для себя. Это все только моё удовольствие. Моё желание видеть себя такой, какой другим я никогда не покажусь. Возможно в этом моя психологическая патология, но я так не думаю. Любому человеку хочется себя выразить и не обязательно на публике. Но если вы это читаете, то публичность получается у меня конечно присутствует. Но одно дело описание всего, другое дело документальность происходящего.

Ладно, все эти рассуждения пустое. Я включаю камеру и выбираю общий план. Комната наполненная мебелью, свет из окна. Камера снимает, как вхожу в комнату с ведром воды и шваброй. Я совершенно обнажена, лишь на голове косынка для придание образа хозяйки за уборкой. Я не смотрю на камеру, я её не замечаю. У меня увлекательная игра, помимо того, что я убираюсь, я запоминаю всю последовательность своих движений. Сейчас лишь часть картинки, мои движения – это история, небольшой рассказ. Я наклоняюсь к ведру, мочу тряпку, моя попа демонстрирует себя во всей своей красе. Я одеваю влажную тряпку на швабру, потягиваюсь и начинаю елозить по паркету. Моя грудь движется в ритме движения швабры. Я двигаюсь от одной стенке к другой. Я со всех сторон, со спины, слева, справа. Я иду к камере, иду от неё. Я стараюсь улыбаться и смеяться легко и непринужденно. Ведь все это весело. Я приседаю, становлюсь на коленки. Я приподнимаю попу, как можно высоко. Я раздвигаю коленки. Я не стесняюсь себя. Я люблю себя сейчас и буду любоваться потом.

Оля сунула мне в руки принесенную фотокамеру.

– Вот здесь просто нажимаешь.

Я взяла её и навела на Олю. На экранчике фотокамеры маленькая Оля сняла халатик. И повесила его на спинку стула. Маленькая Оля и её большой живот ходили по травке в поиске живописного фона. Какая-то показная обыденность наготы не смущала её, и почти уже не смущала меня. Нет, конечно, смущало и заставляло нервно нажимать на кнопку. Получались совсем неинтересные фотографии. Так было пока Оля просто не уселась голой попой на траву. Она сидела на земле и только сейчас стало происходить что-то завораживающие. Я увлеклась. Оля, то сжималась в комочек пряча все дорогое под свою защиту, то раскрывалась выставляя свои прелести и достоинства на показ. Набухшие соски, наполняющихся грудей, линию разросшегося живота, длинные кудрявые волосы на лобке, приоткрытые половые губы. Мы пробовали по разному, вот просто сидит, вот она на коленях, вот выпрямилась, вот склонилась до земли, вот раскинула руки, вот сжала ими грудь, вот прикрыла ими и грудь и лобок, вот откинулась назад, вот повернулась спиной, наклонилась, приподняла попу, вот улеглась на бок, вот развела коленки.

Я снимала, и ни она, ни я ни могли остановиться, пока не закончилось свободное место на карточке. Оля взяла посмотреть, что получилось. Она стёрла немного, что по её мнению было не очень, или наоборот слишком очень. На освободившиеся место я ещё сделала несколько снимков, и наверно все бы продолжалось бесконечно, но батарейки были уже полностью разряжены, а новых не было припасено.

Мы даже не могли посмотреть, что же все-таки мы наснимали.

– Ладно вечером Олег привезёт новые батарейки, если успеет купить, если ему позволить.

Оля встала под душ, смыть с себя прилипшие травинки. Я краем глаза наблюдала за ней под струями воды.

– Наверно, так тебя тоже можно было снять – под душем.

- Наверно. А может тебя тоже снимаем.
- Зачем и для чего? Я не модель. Все это не моё.
- Что именно? Тебя это смущает?
- Ну не знаю, даже!
- Не знаешь? Разве Андрей тебя так ни разу не снимал?
- Как?
- Ну так! Как? Он не снимал тебя голой?
- Нет. Ну, просил конечно. Но, нет!
- Она вытерлась и одев халатик.
- Прости, опять напомнила тебе о нем!

Она пошла относить фотокамеру. Я прибралась на столе, собрала посуду, сложила в стопку журналы.

В фотографиях любимых
В фотографиях себя
Для себя лишь так хранимых
Объяснения есть меня

Без одежды, без изъяна
Я такая, как была
Я привычна, нет обмана
Роль любовницы моя

Я раскрыта, вся свободна
И загадка в тот же миг
Я мягка, но так проворна
Просто тело
Просто лик

Мы поссорились с Андреем по глупости наверно. Даже не поссорились, просто я от него захотела уйти.

Я пришла тогда к нему домой, ночевала у него. Утром он был в душе потом на кухне, готовил завтрак. Мне случайно попались на глаза в его компьютере одни файлы. Вообще, я залезла туда проверить свою почту и случайно увидела папки с фотографиями, там была я. Это те фото, где он снимал меня. Там была ещё одна папка с фотографиями, в которой он хранил скаченное с порносайтов. Я тогда это так посчитала, что с порносайтов, на самом деле там были просто фотографии голых девушек, ну пусть и в очень откровенных позах и даже никто не был там занят сексом. Это просто была эротика. Но это тонкая грань, тогда для меня была почти не различима.

Я, конечно, не чего ему не сказала и не устроила скандал. Может нужно было, и на этом бы все закончилось, но я промолчала. Что это было обида, ревность? Я не понимала, мы не виделись после этого, я избегала встреч, сетуя на занятость и желанием просто побыть одной.

Мы планировали свадьбу вот этим летом, не шикарную, просто отправиться к морю, в тёплые края, а потом провести лето на даче у Озера. Но мы больше не увиделись. Живым он остался в памяти. А мертвым, лежащим в гробу на морозном кладбище, такого я его стёрла из памяти. И забыла и не вспоминаю.

Любила – не любила. Он был хороший.

Я про это не хочу больше рассказывать, и обсуждать с кем-либо, тем более с Олей, хоть она его сестра и моя подруга.

Я закончила уборку. Но мне нужно снять все свои крупные планы. Я переставляю камеру поближе. Я повторяю, что могу вспомнить, всю последовательность своих действий, добавляя конечно остроты и дерзости моих положений и поз. Я вновь и вновь выбираю новое место для камеры. Потом все я смонтирую, добавив музыку и ритм. И у меня будет новый фильм, назову его длинным названием —

«Процесс уборки помещения
(своей собственной квартиры)
мною
самой
в самом откровенном наряде
поздней
вечерней порой».

6 ПриБавление

После бала. Ну это, когда обычно в легком головокружении возвращаемся домой и нас ждет некое разочарование обыденностью буден. Конечно особого разочарования у меня не было, просто после обеда приехал Олег и я немного пришла в себя от своего поведения, ведь я могла просто сказать «нет» Оле, а вместо этого зачем-то снимала её. И кажется, мне это понравилось, но что-то меня смущало и оставляло некую недосказанность самой себе.

Мы пообедали и пошли к Озеру купаться.

Мы настелили на берегу выдавшее виды одеяла. На них положили полотенца. Загорали, купались, опять загорали. Просто так сплетничали, обсуждали всякие глупости и новости. Вокруг нас постепенно все компании расходились по своим дачам. На маленьком пляже мы остались совсем одни, когда последняя группа поднималась по склону по тропинке к поселку. Солнце уже почти скатилось в самый низ небосвода. Тогда и мы стали тоже собираться.

Оля подошла к воде и зашла в нее.

– Она еще стала теплее, я хочу еще разок поплавать.

Олег развел руками, он уже свернул одно одеяло. Оля под халатиком, была совсем без ничего. Она не хотела лежать в мокром. И оба ее купальника так и не высохшие, уже укладывались Олегом в сумку вместе с одеялом.

Я посмотрела на нее.

– Ты будешь еще переодеваться?

– Зачем, тут уже никого? Вот, возьми мой халат, брось его и пошли вместе поплаваем еще.

Она расстегнула последний пуговицу и бросила мне свой халатик. Я его подхватила, чуть не уронив в воду. Оля ухнула в воду и поплыла.

Олег подошел ко мне и взял его у меня из рук.

– Пойдешь?

– Она всегда так?

– Что голой купаться? Ну бывает! Может подразнить решила.

Я была в купальнике и бросилась за Ольгой.

Она плыла впереди, неспешно перебирая руками, плавно и осторожно.

– Может без купальника попробуешь?

– Как это? Тут прямо в в воде снять? И какая разница?

– Попробуй узнаешь?

Она перевернулась на спину, животик всплыл кверху. Оля замерла, раскинув руки в стороны, она легко держалась на воде. Я её оставила, дразнить Олега, а сама поплыла дальше. Может это она меня дразнила? Я оглядывалась по сторонам, рассматривая берег Озера.

Олег стоял, глядя на Олю, уже давно собранный и ждущий конца затянувшегося купания.

– Всё, все плывём обратно.

Оля поплыла к нему, а я поплыла еще дальше. Я увидела небольшое местечко, выход из воды, там было поваленное дерево и узкая тропиночка. Я подплыла поближе и попробовала аккуратно нащупать ногой дно. Только в паре метров от берега я различила в прозрачной воде камушки. Там можно было выйти из воды и выбраться куда-то по тропинке. Дерево было почти в воде, но продолжало расти, рискуя сломаться. Возможно в это место приходят порыбачить. Оно укромно и спрятано от всех.

Я поплыла обратно быстро, как только умела. Оля уже вышла из воды, оделась и звала меня. Олег стоял с уложенными сумками в нетерпении, и ждал, пока мы соберемся.

– Вы никак не наплавааетесь. Я уже есть хочу.

– Ты всегда есть хочешь. Иди, мы тебя догоним. Придешь, картошку почисть.

– Разберусь.

Он подхватил сумки с вещами и пошёл, пару раз оглянувшись на нас и по сторонам. Потом поднялся на пригорок, посмотрел вокруг еще раз и скрылся.

Я как раз вернулась. Оля еще глядела ему вслед.

– Ну, все ушел. Можешь не стесняться. Может еще попробуешь без купальника.

– Что?

– Ну, поплавать. Я подожду.

– Нет, я уже не хочу.

Я вылезла на берег.

Она сложила полотенце. Подняла мой сарафан и мое полотенце, протянув его мне.

– Ты хоть в мокром не ходи сейчас. Пока цистит не заработала.

Я оглядевшись по сторонам, стянула с себя плавки и лифчик, отжала их от воды и дала Оле, подержать.

– Ты ведь меня не стесняешься?

– Глупости, с чего вдруг.

Я, как могла, старалась вытереться влажным полотенцем. Мне тогда показалось, что мне очень хорошо, вот так здесь быть совсем голой, впервые, наверно, я не боялась быть застигнутой врасплох, ничего не бояться, быть совершенно открытой.

Я протянула Оле полотенце, надеясь, получить в руки свой сарафан и одеться. И Оля, нет, не почувствовав, как такое можно почувствовать, что мне не хочется одеваться, нет, она просто по дурусти, поиграться захотела наверно, стала пятиться назад, а я, не ожидая тако-го подвоха, стояла, будто, парализованная волей удава, кролик. Я лишь боялось в тот момент, что-бы она не упала, и ничего с ней и с её ожидаемым ребенком не случилось.

Потом я почему-то застеснялась, зачем-то пытаюсь прикрыть грудь, побежала голая за ней, уже когда, та повернулись и быстрыми шагами, смеясь своей дурацкой шутке, все дальше удалялась от меня. Те немногие метры пути, что я проделала догоняя её, дали мне немалую порцию адреналина, такую, что я почувствовала себя немного счастливее, за все последнее время. Я шла скорым шагом за ней, боясь, что та споткнется, я боялась её схватить за руку, все на что я решилась побежать, обогнав её, и преградить ей путь. Она смеялась своим задорным смехом. Я тоже смеялась и мне было хорошо.

Может мне было просто нервно смешно, но я почувствовала возбуждение от произошедшего со мной. И еще я испугалась, что она тоже увидит эту мою эйфорию от всего происходящего.

– Ты что, совсем ополоумела, дорогая!

Она продолжала смеяться.

– На прости, не знаю, что нашло на меня, глупости в голове весь день.

– А вдруг кто-то нас увидит, меня в таком виде?

Я судорожно натаскивала на себя сарафан.

– Случайно, всю эту картину?

– А тебе не все равно?

– Нет представь!

– Глупости, все это! Никому мы не нужны!

– Ну, давай, может тогда сама!

Оля немного опешила, но оглядевшись по сторонам и как-то лукаво посматривая на меня, стала расстёгивать пуговицы на своем халатике.

– О, я? Пожалуйста, я могу! И всем это наверно больше понравится! Сейчас начнут аплодировать.

Шутка затянулась, не хватала еще такого развития ситуации.

– Не сходи с ума, пожалуйста! Все пошутили. Правда, пошли домой, Олег там ждет!

– А, испугалась!? Ну не злись, просто мне хотелось тебя немного встряхнуть!

Она снова засмеялась своим заразительным смехом и я тоже.

– Встряхнула. Ты меня сегодня спрашивала, снимал ли меня голой Андрей? Помнишь?

– Я не помню. А да, спрашивала. Ну, все, прости ещё раз.

– Он хотел этого, а я ему не дала это сделать. Понимаешь, не согласилась, и чего такого страшного. А наверно нужно было. Ему это нужно было. И мне, наверно.

– Прости!

– Ерунда. Это ты прости меня!

Мы пошли дальше. Возможно, Андрей тоже меня простить.

Мне было года четыре, когда мы с моими родителями были на море. Теплый южный берег, соленые брызги волн. Я лишь в одной панамке, копаюсь в песке, строю что-то. Совочек в одной, в другой руке ведро, я счастлива, я нага, такой гольш-мальш с папой и мамой. Я бегала по пляжу, я ела мороженное и сладкую вату. Меня могли целый день не одевать. Наш домик был рядом от моря, и возвращаясь туда с моря или идя к морю, я помню себя совершенно голой и такой счастливой.

Море с белой пеной
Загар на теле всем
И нет на нем пробелов
Не пойманных лучем

Солнечного света
Вселенского тепла
Нет для них секрета
На коже у меня

Я повсюду голой
Радостно иду
Как не быть счастливой
На четвертом, то, году

Не нужна одежда
Ни к чему трусы
Миленькая крошка
Больше не грусти

Смейся и не бойся
Будь сама собой
И не беспокойся
Ты любима мной

В моем сердце скрыта
Вся твоя печаль
Что нужно одеваться
Хоть конечно жаль

Больше не позволят
Гольшом гулять
С предрассудком глупым

Будем прозябать

Теплые ночи юга. Я спала совсем голой под одной простынкой. Это было хорошо и приятно. Сладостно. Я могла долго не засыпать и слушать разговоры родителей, из вздохи радости и удовольствия. Равномерный скрип кровати, они любили друг друга. И я любила их. Они порой тоже не стеснялись быть при мне голыми. Переодевались. И еще иногда вечером мы бродили вдоль берега и уходили далеко в безлюдье, где мы купались совсем голыми. Я с мамой и папой.

Мы вернулись на дачу. Олег уже начистил картошки и стал её жарить с луком. Мы сделали салат из помидоров с огурцами. Нашли банку тушенки из каких-то древних запасов и поужинали. Болтали за чаем. Уже стало совсем темно. Они ушли к себе спать, на меня оставив не мытую посуду и всю уборку на столе. Завтра понедельник. Олег уедет рано, оставив нас на все будни одних. Мысли как-то крутились в голове.

Я вспомнила, что не повесила свой купальник сушится и вышла во двор.

Звездное небо должно было сиять множествами миров, но веранда горела ярким светом, заслоняя своим светом далекие миры, освещая нашу неубранную посуду на столе, за которым мы только что мы сидели. В окне комнаты, где спали Олег с Олей, погасили свет. Я убрала со стола, собрала посуду и тоже погасила свет на веранде.

Я взяла купальник с полотенцем, они были мокрые и решила их сполоснуть. Вода была в маленькой летней кухне, отдельно стоящей на участке. Я зажгла свет, сполоснула все в раковине, отжала и повесила все во дворе. Потом забрала посуду с темной веранды. Вернулась к раковине, стала её мыть. Открывая кран, я случайно намочила свой сарафан и поняла, что его давно пора было стирать. Может если его быстро простирать, то к утру он высохнет.

Я сняла свой сарафан, наверно нужно было по всей видимости вернуться в дом, что бы одеть что-нибудь на себя, но идти в дом почему-то уже не хотелось. Может я уже ничего не боялась. Я быстро постирала сарафан, сполоснула его и отжала.

Я выключила свет на кухоньке и прислушались к тишине. Ночь и мрак. Видно немного, лишь настолько чтобы попасть в дом. Теперь все далекие миры сверкали в своем восхитительном блеске. Я вышла из кухни голая с мокрым сарафаном, думая, если что, то прикроюсь им. Вешая его рядом с купальником, мне показалось, что все звезды и все эти миры разглядывают меня, каждую мою складку кожи, каждый волосок на теле. Какой вздор.

В прогулке под луной
Приятно быть одной
Чтобы побыть собой
Обрести покой
И отдохнуть душой
От пошлости сплошной

Я выдохнула, меня немного пробирал легкий озноб. Я закрыла дверь кухни, и тихонько подкралась к дому. Дойдя до дверей замерла и прислушалась. Тихо. Я скользнула бесшумной безумной мышкой к себе на верх. Одеда свою обычную пижаму и залезла в постель.

Звезды в ночном небе, в бесконечности пространства, в великой первозданной пустоте, возникшие из этой совершенной пустоты, они были так далеко. Свет их летел, их лучи, волны энергии, частицы их жизни. Они прилетели сюда. Их можно видеть, значит они есть или были там, откуда они посылали свои лучи. Можно сделать фотографии этих звезд через космические телескопы и они останутся, и на них можно будет смотреть. Значит они существуют для чего-то. Мы видим их свет, что другое мы можем еще воспринимать? Ничего, только их свет.

Когда они увидят меня голой там, у себя в своих сверхмощных телескопах, я давно уже умру, так что стыдно мне уже не будет – это точно.

7 Пробость

Признаки болезненности. Прирожденная робость присуща слабым. Меня так учили – не высывайся. Будь серой с массой таких же серых. Кто высунулся, тех ждёт не завидная участь, в любой момент им грозит падение с той высоты, на которую они высунулись. Пробость – это я придумала сама, собрав вместе три слова «пробовать», «робость», «пропасть».

Я попробовала в пропасть
Не упасть и не пропасть
Я испытывала робость
Как присущую мне страсть

Я испробовала нежность
Я испытывала грусть
На придуманную верность
Я ответила, что пусть

Будет все, как неизбежность
Что случилось – не вернуть
Мне присущая небрежность
Не позволит утонуть

После уборки у меня есть чистая квартира. Снятый материал со мной в самой главной роле своего же кино.

У меня есть время до сна. Я ставлю перегонять материал в компьютер на его жесткий диск с карточек. Я потом его смонтирую и сделаю кино про себя. Только для себя.

На улице еще светло. И у меня на балконе висит сохнет белье.

Небрежна я, когда такой
На свой балкон чуть выбегаю
И там белье своё снимаю
И не стесняюсь, пусть любой

Кто разглядит меня – немеет
Никто меня ведь не посмеет
Судить за мой наряд такой
Бельё сушилось на ветру

И мне обсохнуть не мешает
Меня желанье распаляет
И вечером и по утру
Встречать и провожать зарю
И награждать себя игрой
В которой ты сама собой
Так нравишься себе любой

Я сняла белье с балкона. Оно все постельное: простынки, наволочки, пододеяльник – все белое, мне нравится белое летом. Красное – зимой. Весной – зелено-синие. А осенью я

застелю свою постель в желто-коричневых тонах. В белом белье я сплю совсем голой. В красное я иногда ложусь в красной маечке, коротенькой, которая чуть прикрывает живот, иногда с теплыми носочками тоже красного цвета. В сине-зеленом я сплю в прозрачной, совсем прозрачной сорочке, тоже иногда. Для осени у меня есть носочки, всякие, веселые с рисунком, полосатые и в клеточку, разного вида, порой они разные для левой и правой ноги. Они всегда теряются при стирке, и я поэтому с ними не церемонюсь.

Я буду все вокруг стирать
Бороться с грязью, как умею
Вот без белья уже кровать
Я соберу все, что сумею

Все полотенца и трусы
Все майки, платья и пижаму
Я в отведённые часы
Все освежу и все наглажу

Все собираю и сношу
В одну огромную корзину
Я чистотой уже дышу
И чистотой пишу картину

Я грязи с детства не люблю
И на белье и на одежде
Её нещадно изгоню
Мне по душе любые средства

И снимаю всё с себя
Пусть я нага, но не напрасно
Я ведь стираю все не зря
Чтоб было все опять прекрасно

В который раз осознаю
Что обнаженность только красит
И я себя такой люблю
Моя любовь меня оставит

Без одеяний целый день
В волшебном естестве природы
Пусть просто это будет лень
Иль тень
Осмысленной свободы

Летом я не ношу белье, ну когда могу конечно. Поэтому в стирке почти только постельное белье. Его нужно гладить, но мне сейчас не хочется.

Я пойду спать, приму душ и залезу в постельку. И буду спать голой, поскольку лето.

Я не могла уснуть, и раскрыла окно. Запахи летней ночи. Шорохи во мраке. Я услышала их голоса. Оля и Олег шептались. Потом закрипела кровать. Они мило охали и иногда тихонько стонали. Им было хорошо друг с другом. Мне было тоже хорошо одной.

Я тоже нащупала у себя свой маленький комочек счастья и теребила его и гладила его, пока не пришло моё удовлетворение. И тогда я распалась на тысячи кусочком счастья, вздрагивая от импульсов приятного удовольствия, волна за волной накатывающегося на меня, потом завибрировала, как натянутая струна, колебания достигли своего апогея и я сжалась, готовая свернуться в одну мельчайшую точку абсолютного блаженства.

Я просто старалась не шуметь и неслышно подарить себе несколько прекрасных мгновений. Мои пижамные шортики валялись на полу, я не помнила, как стащила их с себя и забросила куда подальше. Взошла луна. Любовники внизу затихли насладившись своей игрой. Мне было жарко от себя. Моё возбуждение не утихло и спать мне совсем не хотелось.

Я поняла, чего я хочу именно сейчас.

Я сняла с себя и бросила пижамную майку на постеле. Я стала совершенно голой. Я обнажила свое тело и, наверно, душу, доверив себя скрытому в дикой её глубине желанию.

Я прошмыгнула во двор, стараясь не скрипнуть ни половицей, ни дверью. Потом добралась до калитки. Босиком пошла по дорожке, чувствуя все мелкие камушки на своем пути к Озеру. Как я нашла в своих закоулках сознания помимо безумного желания, еще невиданную смелость, которая тоже граничила с безумием? И что мне теперь с этим делать? Но я ничего с этим уже сделать не могу. Я босая и голая, иду к Озеру. Я иду чтобы заново родиться. Луна освещает мне путь.

Я знала, что я одна, но я все равно боялась. И мой страх давал мне новые силы, что бы преодолеть себя. Я сильная, я значима, у меня есть самое простое объяснения для себя и других – просто хочу искупаться в Озере ночью, и вот так просто без всяких одежд пройти туда и вернуться обратно. И точно знаю, что я это могу, и все у меня получится.

Я пройду сверкая голой попой. Зайду в воду в этот чёрный причёрный мрак. И поплыву по отражениям звёзд в отблесках Луны. И это будет моим новым рождением, в Озере.

Я осторожно спустилась к воде. И я вошла в тёплую нежную негу. Я поплыла по ней, как ещё одна небесная звезда. Звезда с пятью лучами. Я пока еще темна и пуста, но энергия жизни зарождается во мне. Я буду дарить свет, как любая другая звезда в этой вселенной.

Я легла на спину и замерла, глядя в пространство впереди себя. Я представила, как я несусь в космосе держа за собой целую свою планету, свой кокон, свой дом. Я вылезла из ракушки, я голая улитка с этим домиком ракушкой за спиной. Я не боюсь. Я спрячусь в него, когда захочу, но пока мне ничего она страшно.

Я вышла мокрая на берег, стряхивая капельки озерного блаженства. Эволюция произошла и со мной. Жизнь, как сообщает всем наука, произошла из воды, и выйдя на сушу приобрела новую форму и новый способ существования. А я обрела новую способность обитать в этом мире. Я знаю теперь, какая я на самом деле.

Я вернулась в домик. Пьяная от своего приключения, от своей метаморфозы. После бала – новый бал. Тихонько поднялась по ступенькам. Пижаму я больше не одела, голой забралась под одеяло и затихла до утра.

Мне приснился Андрей. Он стоял со своим фотоаппаратом и снимал Олю, она была без живота, уже не беременна или еще не беременна, и одета. Он сказал, что он нашёл работу фотографа для супер модного журнала. А я спросила, когда он меня снимать будет? А он, когда перестанешь стесняться. А я вдруг неожиданно стою в одном лифчике. А он говорит, вот ты ещё не готова, верх тоже нужно снять или одеться по каталогу. Мне стало тогда не по себе, я побежала найти себе плащ, почему именно плащ не знаю. Все бегала, все искала этот плащ.

Я не модель из мира мод
Для тряпок вешалкой не стану
Чем опечалю женский род
Пренебрежением к обману

Обман, что скрыт слоях одежд
В порядке тканевых припонов
И похороненных надежд
Увидеть истину без оных

Модель я только для себя
Любуюсь я сама собою
И вас ничем не беспокою
В себе нуждаюсь только я

8 ПрозиБание

Прокручиваю былое. Купание ночью стало для меня неким рубиконом. Я вошла в воды пусть не реки, а Озера за которым простиралась моя империя. Империя моих чувств и моих желаний, в которой я лишь властелин.

Под утро пошел дождь, сквозь сон я слышала, как капли стучали по железной крыше. Потом я услышала шум отъезжающего автомобиля, это Олег отправился на работу. Больше я не слышала ничего. Дождик лил – я спала сном праведницы, точно, поскольку грешного в моих поступках или чего-то страшного и предосудительного я не усматривала.

В квартире можно проснуться среди ночи. От тишины или от шума дождя. Я проснулась и посмотрев на часы, удивилась только три часа. Ночь и дождь.

Я поворочалась в постеле. Сон уже не шёл. Я побрела к холодильнику, не включая света, нащупала дверцу, открыла. Чего я хотела? Осмотрев полки, так и не нашла, что погрызть. Взяла со стола яблоко. Захотелось к Озеру поплавать в тёплой воде. Замерзнуть, выходя на берег. Побегать по тропинке к даче в тёплую постель, и спокойно уснуть.

Я осторожно подошла к входной двери. Включила свет. Я пойду погуляю, как есть совсем голой, прямо сейчас на улицу, похожу и вернусь.

Голой, нет, там капли с неба. Я достала валявшиеся в ящике шкафа в коридоре пакетики, в котором аккуратно был упакован целлофановая накидка, прозрачный плащ от летнего дождя. Я развернула и примерила на себя дождевик – это даже пакет скорее, правда с капюшоном, но все же пакет из простого голубого полиэтилена. Я буду такой же голой, только упакованной в прозрачный мешок до колен.

Я неслышно заперла дверь на ключ, который спрятала в укромное местечко за батареей. Я не вызывала лифт, а спустилась пешком по лестнице. Ночью подъезд приятен в своей безлюдности. Конечно он приятен этим всегда, но ночью особенно. Ночь была не такой чёрной, горели тускло фонари. Можно было различить почти все.

Капли дождя пытались пробиться ко мне через броню полиэтилена. Я шла между домами с темными окнами, мне хотелось дойти до бульвара с сиренью. Мне стало жарко под пакетом, я приподняла его сначала до бёдер, свежесть добавила мне бодрости. Глупости, этот пакет, зачем он мне, я разодрала просто ногтями тонкую пленку, стащила обрывки с себя и бросила в ближайшей урне.

Оставшись совсем без защиты, мне это еще больше добавило смелости и безрассудства. Никогда не поступайте так, как я. На самом деле это опасно и грозит сумасшедшими неприятностями, возможно, на вас набросится целая компания отморозков, или даже один придурок. Вы становитесь супер лёгкой добычей для любого уroda. Это серьёзно. Город это скопище маньяков и извращенцев.

Дождь лил и лил, смывая с меня грусть и тоску. Каждое мгновение мне становилось все лучше и лучше. Я шлепала по лужам.

Было темно и сыро, а мне хотелось белых ночей и немного теплого ветра.

Проснувшись белой ночью я
Уснуть, как прежде не стараюсь
Не заперев входную дверь
Парадной лестницей спускаюсь

И выхожу во двор одна
По мостовой иду босая
И не тревожась за себя

Пускай осудят, что нагая

Что лишь одета в тишину
В пустынной улицы свободу
В непревзойденную природу
Я смелостью одной дышу

Я осязаю вновь и вновь
Любое ветра дуновение
Окон закрытых отчуждение
Их невозможную любовь

Я в мимолетности гибка
Упругими шагами мерю
Насколько я еще могла б
Пройти насколько ни робея

В своей обычной простоте
Без лишних хлопот, что надето
В прохладной свежей пустоте
Под этим небом, в белом свете

Если кому-то кажется, что мои действия были сплошь порочны, а события, мной описываемые, ужасны. Если вы находитесь на волне негодования, – всё, остановите немедленно чтение и захлопните книгу или текст на экране.

Все, кто еще это не сделал, но подумывают, не мучайте себя, ваши моральные устои не должны страдать от вашего желания знать глупое продолжение, ведь вы всё прекрасно знаете, что ничего нового вам не откроется, а вот нравственные принципы ваши могут пострадать. Поэтому отстраняйтесь и забывайте скорее. И все в бан.

Ладно боюсь, что никто не убежал и не прекратил читать это. Ну, это ваше право, я честно постаралась еще раз предупредить, если вдруг аннотацию пропустили. Невольно или заставляя, увольте, все Вы, надеюсь, люди взрослые.

Оля уже суетилась по хозяйству, слышны были её шаги по веранде и грохотание посуды, которую она принесла из кухни. Солнце, пробивших из за туч и разогнав сырость и скукоту дождя, ярко светило. Я выглянула в окно. Мой сарафан конечно намок ещё сильнее вместе с другими вещами, висевшими на верёвке. Что-то доставать и копаться в своей сумке, в поисках альтернативы несменяемому сарафану, было глупо, поскольку он был единственным предметом моего гардероба подходящий здесь по погоде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.